Технократическая метафора в российском политическом дискурсе: проблема концептуализации

Максим П. Мозжухин

Исследовательская компания Russian Field, Москва, Российская Федерация
https://orcid.org/0009-0007-7613-6675

Рекомендация для цитирования:
Мозжухин М. П. (2025) Технократическая метафора в российском политическом дискурсе: проблема концептуализации. *Социология власти*, 37 (2): 187-206.
EDN: RCHHDC

For citation:
Mozzhukhin M. P. (2025) The Technocratic Metaphor in Russian Political Discourse. *Sociology of Power*, 37 (2): 187-206.

Поступила в редакцию: 28.02.2025; прошла рецензирование: 16.05.2025; принята в печать: 10.06.2025
Received: 28.02.2025; Revised: 16.05.2025; Accepted: 10.06.2025

© Mozzhukhin M. P., 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Резюме: Статья посвящена исследованию метафорических концептов в российском политическом дискурсе, переносящих в сферу политики явления из сферы техники. За счет средств теории когнитивной метафоры описываются причины популярности технократических метафор в политических объяснительных моделях в современной России. В качестве одного из основных факторов называется технооптимизм позднесоветской культуры, повлиявший на формирование современного российского политического лексикона. В то же время констатируется анонимность метафорических концептов этого рода: установить, кто и когда предложил их использование в российской политической науке, оказывается чрезвычайно сложно. В отсутствие конкретного автора и какого-либо контроля со стороны научных институтов один и тот же термин начинает наполняться часто противоположными смыслами и моральными оценками. На примере «политических технологий» демонстрируется, с одной стороны, укорененность такого рода метафор в языке политической аналитики, с другой — низкий уровень научной рефлексии вокруг подобных понятий. Чтобы преодолеть данное противоречие, предлагается реконструировать ход научной дискуссии вокруг как этой, так и других технократических метафор, закрепившихся в языке российских политических наук. В духе картографии разногласий необходимо определить, велся ли в действительности содержательный спор вокруг

их значения. В зависимости от результата этих изысканий можно будет судить, делают ли технократические метафоры политическую реальность более понятной или же, наоборот, являются пустым означающим, обдуманное использование которого требует широкой дискуссии специалистов и последовательной реконцептуализации. Подобная работа могла бы сделать язык российской политологии более ясным и, как следствие, способным к более четкому отражению сложных политических явлений современной РФ.

Ключевые слова: картография разногласий, когнитивные науки, исследования науки и технологий, политические технологии, политология, технооптимизм, технократия, технократическая метафора

The Technocratic Metaphor in Russian Political Discourse

Maksim P. Mozzhukhin

Reresearch company Russian Field, Moscow, Russian Federation
https://orcid.org/0009-0007-7613-6675

Abstract: The article focuses on studying metaphorical concepts in Russian political discourse that transfer phenomena from the domain of technology to politics. Using the tools of cognitive metaphor theory, the paper describes the reasons for the popularity of technocratic metaphors in political explanatory models in contemporary Russia. Techno-optimism of late Soviet culture, which influenced the formation of the modern Russian political lexicon, is identified as one of the main factors. At the same time, the anonymity of such metaphorical concepts is noted: it is extremely difficult to determine who and when proposed such terms in Russian political science. In the absence of a specific author and any control from scientific institutions, the same term can often take on opposing meanings and moral evaluations. Using "political technologies" as an example, the article demonstrates, on the one hand, the entrenchment of such metaphors in the language of political analysis and, on the other, the low level of scientific reflection surrounding these concepts. To overcome this contradiction, it is proposed to reconstruct the course of scientific discussion around this and other technocratic metaphors that have become established in the language of Russian political sciences. In the spirit of mapping controversies, it is necessary to determine whether a substantial debate about their meaning has actually taken place. Depending on the results of these investigations, it will be possible to judge whether technocratic metaphors make political reality more comprehensible or, conversely, are empty signifiers requiring broad discussion among specialists and consistent reconceptualization. Such work could make the language of Russian political science clearer and, as a result, more capable of accurately reflecting the complex political phenomena of contemporary Russia.

Keywords: cognitive sciences, Mapping controversies, Political science, Political technologies, STS, Technocracy, Technocratic Metaphor, Technooptimism.

Введение

С середины 2010-х telegram-каналы стали одним из ключевых источников политической аналитики в России. Новая медиаплощадка стала платформой экспертных высказываний, не уступающей по своему влиянию традиционным аналогам — научным журналам и СМИ. За прошедшее время сформировался и стиль языка политической аналитики в Telegram, состоящий из канцеляризмов, цехового сленга политконсультантов, научных и околонаучных понятий. При этом заимствования терминов из общественных наук оказываются свободны от рецензирования: оказавшись в распоряжении экспертов из Telegram, часто анонимных, эти понятия искажаются и обретают новые смыслы.

Иными словами, у общественных и в первую очередь политических наук появился конкурент, который *активно использует научный политологический словарь* и претендует на право определения категорий, которыми пользуется политическая наука. Эта претензия, конечно, не артикулирована — она выдвигается за счет миллионных охватов этих высказываний. Даже если администраторы политических telegram-каналов не преследуют цели изменить содержательную сторону языка российской политологии, они это делают перформативно.

Как следует поступить не-анонимным представителям соответствующих дисциплин в этих условиях? Ситуация с распространением множества народных трактовок изначально научных терминов не нова. Достаточно вспомнить, какой путь прошли такие излюбленные СМИ понятия, как «менталитет», «пассионарность» или «окно Овертона», постоянно встречающиеся и в языке аналитиков из Telegram. В этих случаях мы можем проследить историю каждого термина, прийти к выводам об экстравагантности теории Л. Гумилева, косвенном отношении Дж. Овертона к социологии и хрупкости психологических концептов, пытающихся провести общий знаменатель под целыми нациями, затем вернуться к контексту и вынести вердикт о квалификации автора.

Однако в языке российской политической аналитики могут встречаться понятия, история которых не поддается восстановлению, будто они были с нами всегда. Как судить о корректности использования термина или концепта, если он уже прижился в языке дисциплины, но никем не проблематизировался, а попытка восстановить его генеалогию, т.е. пройти по специализированным источникам до изначального автора, не дает результатов?

Рассмотрим пример, который станет центральным для настоящей работы, — понятие «политические технологии». Актуальное на сегодняшний день определение в основном источнике для

не-специалистов, а именно русскоязычном сегменте Википедии, гласит следующее: «Политические технологии — это совокупность способов, методов и процедур воздействия на массы людей с целью придания их политическому поведению характера, благоприятного для достижения определенных политических или управленческих целей».

Скорее всего, политик, госслужащий, первокурсник факультета политологии или просто внезапно столкнувшийся с термином пользователь интернета будет удовлетворен этой широкой и несколько бихевиористской постановкой вопроса. Однако в каждом из этих случаев оно будет подсвечивать именно ту часть политического, с которой сталкивается данный читатель. Оптика обывателя, ученого или политика здесь может сработать по-разному не только при соотнесении определения «политических технологий» с конкретными политическими явлениями, но и, например, в плане морально-этической нагрузки этого понятия.

Интересно и происхождение данной дефиниции — она взята из 12-го номера журнала «Власть» за 2015 год. В трехстраничной статье с четырьмя источниками дается наиболее популярное определение одного из ключевых понятий в современном российском политическом дискурсе. При этом его автор не имеет регалий в политических науках, а информация о его деятельности — как научной, так и любой другой — не встречается в открытых ресурсах. Не ставя под сомнение компетентность редакции журнала и автора, этот факт из современной энциклопедической жизни должен как минимум вызывать любопытство. Также отмечу, что в самой статье не приводится ни истории возникновения рассматриваемого термина, ни попыток теоретически обосновать его использование (Демидченко, 2015).

В ряде учебных пособий, целиком посвященных предмету «политических технологий», приходится сталкиваться с проблемой слишком обширных дефиниций. Так, в учебнике Т. Гринберг (2012, с. 28) политические технологии определены как «система последовательных целенаправленных действий, ориентированных на достижение заданного политического результата». Замечу, отдельно от *избирательных технологий* — «совокупности приемов и методов, направленных на оптимизацию достижения стратегических целей избирательной кампании». Происхождение этих определений и теоретическое обоснование их использования отсутствует. Приведенная дефиниция предлагается после введения «PR-технологий», «рекламных технологий» и «технологий коммуникации», никак не определенных автором.

Ставший классическим для программы подготовки российских политологов учебник Е. Малкина и Б. Сучкова (2006, с. 8) сохраняет

эту теоретическую брешь, однако авторы как минимум признают ее наличие: «Технологии реализации избирательных кампаний, партийного строительства и политических проектов сегодня в России принято называть политическими технологиями, а людей, профессионально специализирующихся в данной области, — политическими технологами. *Откровенно говоря, авторы предпочли бы "стать" "политическими консультантами", а не "политтехнологами"* (курсив мой. — *М. М.*). Но поезд, похоже, уже ушел — "политтехнологии" и "политтехнологи" прочно вошли в российскую политическую, политологическую и журналистскую лексику. Причем вошли с устойчиво прилепившимися к ним эпитетами: если "политтехнологии", то "грязные", если "политтехнолог" — то обманщик». Несмотря на то что далее авторы анонсируют разработку собственной концепции «политических технологий», она ограничивается методическим набором рекомендаций, предлагающих принять по умолчанию, что политические технологии *есть* и с ними можно работать тем или иным образом. К управленческим частностям «политических технологий», с существованием которых предлагается по умолчанию смириться, сводится и значительная часть публикуемых по теме монографий.

В середине 2000-х упомянутый Малкиным и Сучковым «поезд» ушел настолько далеко, что этот термин начал встречаться в классификаторе ВАК. Благополучно пережив реформу 2022 года, «Политические институты, процессы, технологии» просто поменяли код с 23.00.02 на 5.5.2. Такая номенклатурная связка фактически контрабандным путем пронесла «политические технологии» как научную категорию через два десятилетия. Если есть внушительный корпус текстов про «политические институты» и «политические процессы», то и «политические технологии» уже самим фактом присутствия в классификаторе заявляют о сопоставимом уровне научной рефлексии вокруг этого понятия.

Можем ли мы вообще установить авторство претендующих на концептуальность терминов, прижившихся в российской политологии, или ее язык начал существовать сам по себе, в отрыве от дискуссий в научных журналах? Точно можно сказать, что этот язык технократичен и склонен описывать каждое общественное событие через термины политических, рекламных, медийных и т.д. «технологий», за которыми стоит чья-то политическая воля.

В интервью председателя Комитета по политическим технологиям РАСО Е. Минченко, взятом на фоне кризиса в Белоруссии 2020 года, есть одно из таких замечательных в своей наглядности высказываний: «В объединенном штабе работают очень хорошие технологи. Организация протестов — в американском стиле. И технологии мобилизации через соцсети и мессенджеры — тоже американские.

Видна хорошая технологическая подготовка. Если и есть там какие-то технологи, то они не из России, а с Запада. Прямо скажем, с другой стороны» (Непогодин, 2020).

Тем удивительнее, что в западной литературе нет ни «политтехнологий», ни «политтехнологов»: авторов, рассматривающих влияние техники и политики друг на друга на Западе действительно много, но шанс встретить вариант «political technologies» есть только в переводных статьях отечественного происхождения. Что не мешает Минченко, одному из наиболее авторитетных и известных политконсультантов в России, выделять некие специфические американские технологии работы с общественным мнением, закрытые для непосвященных, которые способны мобилизовать целую нацию и чье происхождение «точно не из России».

Итак, на примере «политических технологий» мы имеем выражение, имеющее формальные признаки научной категории, такие как закрепленность в научной номенклатуре и постоянное использование в экспертной среде в качестве средства описания политической реальности. В то же время термин не имеет ни достаточно четкой и однозначной дефиниции, ни серьезной теоретической базы. В рамках настоящей статьи я попытаюсь восстановить обстоятельства, при которых «политические технологии» вошли в язык политических экспертов, а также определить, во-первых, что обусловило его популярность как языкового средства, во-вторых — что необходимо сделать, чтобы сохранить или отказаться от его использования в качестве научного термина. Таким образом, в рамках текста данной статьи я всего лишь попытаюсь показать, насколько проблемной является методологическая неопределенность вокруг этого понятия.

Технократическая метафора

При всей туманности понятия «политических технологий» и всех претензиях «политтехнологов» на некое особенное цеховое понимание ткани общественной жизни, сложно отрицать, что это как минимум хорошая метафора. В пользу метафорической успешности этого словосочетания говорит его живучесть в русском политическом и политологическом языке в целом, а также первый опыт использования. По версии «Словаря современного жаргона российских политиков и журналистов» (Моченов, 2003), впервые термин появился в СМИ в 1994 году — в цитате В. С. Черномырдина о «методах политической технологии проведения реформ». Но закрепится в языке он два года спустя — в качестве метафорического именования менеджеров президентской кампании 1996 года в «Независимой» и «Общей» газетах «политтехнологами». Предположительно,

журналисты пытались подобрать аналог термину из американской электоральной жизни — political strategist, достаточно точно отражающему должность И. Малашенко в штабе президентской кампании Б. Ельцина.

Под технократической метафорой, к которой и относятся «политические технологии», я буду понимать все варианты употребления словосочетаний, переносящих явления из сферы техники в сферу политики. Такое наименование класса метафор, к которым можно отнести и ряд близких по смыслу выражений, например, «социальная инженерия», «общественный механизм» и др., кажется мне удачным. Во-первых, потому что оно само совмещает в себе домены власти и техники: τέχνη + κράτος. Во-вторых, потому что имеет устоявшееся в литературе определение, о чем будет сказано чуть более подробно в следующем разделе.

В свою очередь, механизм, за счет которого осуществляется перенос явлений из одного домена в другой, в общих чертах излагается в теории когнитивной метафоры. Резкий рост влияния этого направления получило имя когнитивного поворота и привело к возникновению когнитологии, или, в более привычном виде для отечественной литературы — когнитивной науки, исследующей процессы, формирующие наше восприятие, способы категоризации и классификации окружающего нас мира, а также системы передачи и хранения знания. Соответственно, когнитивная лингвистика есть направление, «в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм» (Демьянков, 1994, с. 304). Метафора выходит на первый план в научных изысканиях когнитивных лингвистов: она заявляется как способ категоризации и концептуализации знания (Рикер, 1990), через которые мы оцениваем и объясняем себе окружающий нас мир, как проявление возможностей человеческого разума к проведению аналогий.

В 1960-е на политическое измерение метафор обратил внимание М. Осборн (Osborn, 1967), что, по сути, соответствует классу ориентационных метафор в теории концептуальной метафоры. Эволюция использования когнитивных метафор рассматривается Дж. Джейнсом через их анализ в письменных источниках разных эпох (Jaynes, 1976, p. 50). Джейнс утверждает, что любое понимание окружающих нас явлений зависит от того, способны ли мы подобрать подходящую метафору для его описания.

В совместной работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» теория метафоры обретает системность со специфической когнитивной механикой. Так, метафоричным оказывается не только язык, но и сам мыслительный процесс: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» (Лакофф, 2004, с.

25). Лакофф подчеркивает, что метафоры «санкционируют те или иные действия, подтверждают выводы и помогают устанавливать цели». Позднее Лакофф введет различение концептуальной метафоры и простого метафорического выражения. Так, он утверждает, что локус, местоположение метафоры находится не в языке, а в мысли (Lakoff, 1993, p. 203). В предисловии к «Метафорам, которыми мы живем» А. Баранов дает следующее изложение процесса метафоризации по Лакоффу: «Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний — когнитивной структуры “источника” (source domain) и когнитивной структуры “цели” (target domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит “метафорическая проекция” (metaphorical mapping) или “когнитивное отображение” (cognitive mapping)».

Источником материала, из которого выстраиваются эти структуры, является чувственный опыт. Метафорическая проекция может включать в себя не только перенос свойств одного объекта на другой, но и проекцию целых структур внутри доменов источника и цели. Лакофф приходит к идее, что такая проекция может воспроизводить структуру источника в структуре цели, что получило название «гипотезы инвариантности» (Lakoff, 1990, p. 54).

В «Метафорах, которыми мы живем» Лакофф предлагает классификацию метафорических проекций, разделив их на структурные, онтологические и ориентационные. Самыми простыми оказываются ориентационные метафоры, оперирующие понятиями «верх-низ», онтологические метафоры основываются на «регулярных (systematic) корреляциях, возникающих в опыте человека (поле зрения — это вместилище)». Наконец, как следует из названия, в структурных метафорах когнитивное картирование сферы-цели происходит за счет сферы-источника (Lakoff, 1993, p. 210). Стоит отметить, что воспроизведение таких структур сильно зависит от культурного контекста, в котором производится метафорическая концептуализация, от культурной парадигмы, в которой находятся носители языка.

В отечественных исследованиях политических наук представлено множество работ, посвященных возможностям концептуальных метафор в объяснении российской политической культуры. В 1990-е гг. существовал проект «Словаря русских политических метафор», закончившийся одноименной публикацией Баранова и Караулова (1994). Среди более поздних работ А. Баранова интересен, к примеру, разбор русского восприятия коррупции (2004).

Одна из недавних попыток более глубокого, онтологического объяснения природы метафор была предпринята Грэмом Харманом (2018). Как утверждает Харман, чтобы метафора сработала, букваль-

ной основой сравнения двух терминов следует пренебречь, иначе у нас будет настолько же буквальное утверждение. Как только это сделано, в случае удачной метафоры мы буквально создаем в себе новую модель восприятия, которая как-то сочетает в себе характеристики из обоих доменов. Разбирая метафоры из лирики Ортеги-и-Гассета и работ Гуссерля, Харман выводит определение четвероякого объекта, одного из центральных понятий для объектно-ориентированной онтологии, но в рамках настоящей статьи нас больше интересуют его выводы (Harman, 2018, p. 86) о природе метафоры, а именно следующие три:

1. Метафоры асимметричны.
2. Объектом метафорической работы являемся мы сами. Без активной работы по переносу свойств с объекта на объект никакой метафоры не произойдет. Любопытны и причины, по которым метафора не будет работать: среди них Харман выделяет низкое качество метафоры, глупость читателя и отсутствие внимания, — успех метафоры возможен только тогда, когда читатель или слушатель искренне готов ее прочувствовать.
3. Метафора — это акт соединения, а не разъединения, в результате чего фактически возникает новый объект.

Объясню это на рассматриваемом примере «политической технологии». Во-первых, грамматически очевидно, что объектом здесь является «технология», а «политическая» именно что переносит на него определенный набор качеств.

Во-вторых, «политическая технология» существует помимо любой попытки ее точного определения, продолжая жить в качестве метафорического объекта. Мы можем встретить это словосочетание в контексте стандартных практик политического менеджмента: открытие избирательного штаба, выпуск агитационных материалов, сопровождение политической деятельности в СМИ. Политические технологии нередко являются обозначением как юридически, так и этически сомнительных практик манипулирования общественным мнением. Под ними могут пониматься приемы, характерные исключительно для политической сферы: электоральных процессов, политического протеста и законодательной деятельности. Наконец, это может быть чисто технологическое использование разного рода современных ноу-хау в политических целях: от социальных сетей и новых медиа до больших данных и искусственного интеллекта. В каждом из перечисленных случаев мы будем говорить о существенно *разных политических технологиях*, не связанных ничем, кроме общего метафорического объекта.

Наконец, в-третьих, его существование в этом качестве поддерживает сам пользователь метафоры. Однако метафора не смогла бы

настолько хорошо укорениться в политическом жаргоне, если бы у отечественного читателя не было требуемой Харманом и Лакоффом готовности к ее восприятию — как внутренней, так и определенной внешними условиями культурно-языковой среды, в которой метафора применяется.

Тем не менее все перечисленные требования относятся к *просто хорошим метафорам.* Чтобы метафора могла закрепиться в качестве научного концепта, она должна отвечать ряду дополнительных условий. Если обобщить критерии, выдвинутые Дж. Лакоффом в работах 1980–90-х годов, использование метафор в науке должно отличаться:

1. Продуктивностью. Метафора должна быть способна генерировать новые гипотезы, предсказания или интерпретации, а не просто служить украшением языка. Лакофф подчеркивает, что хорошая метафора в науке расширяет понимание явления и помогает строить теории.
2. Системностью. Метафоры должны быть внутренне согласованными и работать как часть большей концептуальной системы.
3. Осознание ограничений со стороны пользователя метафоры. Ученые должны понимать пределы применимости своих метафор, то есть осознавать, какие аспекты реальности они освещают. Стоит отметить, что игнорирование этих ограничений приводит к эффекту неконтролируемой экспансии — метафора заставляет то или иное понятие «жить своей жизнью» (Куракин, 2015). Соответственно, задачей теоретика является проведение научных рамок этой «жизни».
4. Метафоры в науке должны быть способны эволюционировать вместе с развитием знаний. Жесткая фиксация на одной метафоре может тормозить прогресс, если она перестает соответствовать новым данным.

Выполняются ли эти требования в случае синтаксической фигуры «политика — это технология»? Для начала стоит сделать оговорку, что под технологиями здесь понимается именно технология производственного процесса: «политические технологии» вошли в обиход вместе с профессией «политтехнолога», обозначая сферу его деятельности. То есть данную метафорическую конструкцию необходимо рассматривать в связке с близкородственной «политический консультант — это технолог». Причем «технолог» именно в российском понимании старшего технического специалиста на предприятии, что дает более ясное понимание, какие именно явления из домена техники переносятся на домен политики в рамках этой метафоры.

Итак, мы имеем метафору, которая уподобляет политический процесс техническому производству, а его администраторов — ин-

женерам-технологам (к слову, ранее упомянутый В. С. Черномырдин получил диплом инженера-технолога и некоторое время работал по специальности). В момент своего появления в газетах такое механистическое понимание нового для России 1990-х явления конкурентных предвыборных кампаний действительно кажется продуктивным, объясняя современные политические феномены через привычные для носителей языка категории. Этого оказалось достаточно, чтобы и «политтехнологи», и «политтехнологии» вошли в профессиональный сленг политических консультантов. Однако на этом ее продуктивность была исчерпана. Не появилось и более сложной системы связанных с «политическими технологиями» понятий, которые бы раскрывались в схожих терминах. Концепт «политических технологий» за 30 лет не смог преобразоваться в *концепцию.*

Отмечу, однако, что понятие продолжает эволюционировать, но не вслед за эпистемологическими вызовами развивающейся теории, а *вширь*. Рассмотренные нами ранее трактовки «политических технологий» настолько широки, что не вводят никаких смысловых ограничений для пользователя метафоры. Сегодня через «политические технологии» можно объяснить любые общественные явления как в России, так и за рубежом, чем активно пользуются эксперты и комментаторы, не сдерживаемые научными ограничениями, — в их устах технократическое описание политики стало собственным птичьим языком.

Таким образом, ни одно из условий, необходимых для превращения удачной в моменте метафоры в научную концепцию, не соблюдено — это все еще сленговое выражение. И тем не менее оно дано нам в номенклатурной реальности российской науки. Если оно закрепилось в языке политических аналитиков и названиях образовательных программ не научным путем, то каким?

Технооптимизм и технократичность мышления

Почему именно технологии? Откуда такая готовность к использованию технократических описаний российской политики? Вера в решающую и всеохватывающую роль науки и техники в качестве основы мировоззренческой позиции закрепилась в литературе под именем технооптимизма (Basiago, 1994). Само понятие технократии выросло из инженерной среды, уходя корнями (Maier, 1970) в теоретические построения Фредерика Тейлора — американского инженера, предложившего набор практик по оптимизации производственных процессов на американских предприятиях, причем не столько за счет введения новых технологий, сколько посредством реорганизации производственных отношений и предписаний сотрудникам,

каждый из которых должен быть на своем месте. Технологическое воплощение идей Тейлора в потоковом конвейерном производстве автомобилей станет одним из главных достижений Генри Форда.

Фактически первый в истории эпизод управленческого консалтинга стал привлекать внимание индустриальных и профсоюзных кругов, породив широкую общественную дискуссию. В свою очередь, первое использование термина «технократия» также принадлежит выходцу из технической сферы — калифорнийскому инженеру Уильяму Смиту (Smith, 1921). В том же году появился Технический альянс — группа единомышленников из Нью-Йорка во главе с еще одним инженером, Говардом Скоттом, стремившаяся поставить во главе общества технических специалистов, понимающих механику, лежащую внутри капиталистической системы.

В начале 1930-х технократический подход окончательно вышел за рамки чисто производственных вопросов, превратившись в полноценное общественное движение, призванное применить свои рационализаторские идеи для выхода из разразившегося экономического кризиса. Опору для своих взглядов на общество технократы искали в работах Эдварда Беллами (Макаров, 2015) и Торстейна Веблена (Stabile, 1987). Предлагая решения, находящиеся за рамками партийных разногласий и отвергая марксистский взгляд на классовые противоречия, американские технократы 1930-х гг. стремились разработать альтернативу Новому курсу демократической администрации (Nelson, 1978). Тем не менее электорального успеха движение не добилось и к началу Второй мировой войны сошло на нет в качестве политического явления.

Однако если в США подобные проекты были своего рода веянием времени, эпизодическим течением внутри большой и, по существу, клерикальной американской традиции, за океаном они приняли по-настоящему всеохватывающий масштаб. В случае атеистической советской культуры и научно-образовательной политики в СССР технооптимизм, несомненно, стал одним из столпов, на котором строился весь советский проект. Буквалистская реализация принципов просвещения пронизывала все сферы жизни советских граждан, включая не только идеологическую работу, но и всю систему профессиональной ориентации. Перед популяризацией науки и технологий стояла задача не просто ликвидации безграмотности в условиях индустриализации и милитаризации экономики — необходимо было закрепить в массах суррогат религиозного мировоззрения, основанный на доведенном до крайности позитивизме.

Пропаганда научного миропонимания велась с первых лет советской власти, однако для нас было бы целесообразно сфокусировать внимание на поколении, к которому принадлежат специалисты, предложившие технократические метафоры в качестве концептов

для современной российской политики. Ограничим, таким образом, рассматриваемый период 60–80-ми гг. XX в.

Одной из основных институций, отвечавшей за популяризацию науки, было Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, с 1963 года — общество «Знание». В его функции входило проведение лекций, издание журналов и брошюр. Масштабы его деятельности поражают и сейчас: ежегодно «Знание» издавало порядка 750 наименований печатных материалов и затрагивало самые разные сферы современной науки и технологий, при этом тиражи на десятки миллионов копий были способны охватить каждую советскую семью из двух и более человек (Григорян, 2015). С 1956 года издавался рассчитанный на подростков журнал «Юный техник». В начале 1960-х гг. с добавлением развлекательных рубрик меняется концепция журнала «Наука и жизнь», переориентировавшегося на широкого читателя. Созданный как элемент просветительской политики по внедрению новых средств удобрений, журнал «Химия и жизнь» также к началу 1970-х гг. начинает адаптировать публикации под аудиторию всех возрастов. Стоит отметить, что научно-популярные журналы периода 70–80-х гг. не только транслировали содержательную часть актуальных научных открытий, но благодаря верстке и иллюстративным материалам надолго смогли закрепить в массовом восприятии эстетическое выражение советского технооптимизма. В целом, как отмечает Р. Абрамов (2013), названные издания вместе с такими журналами, как «Знание — сила», «Техника — молодежи» и др., сформировали номенклатуру научно-популярной периодики, сохранившуюся до 1991 года в относительно неизменном виде.

Добавим к этому деятельность «Центрнаучфильма», крупнейшего в Европе предприятия, производящего научную кинопродукцию; государственную монополию советского телевидения с такими программами, как «Очевидное — невероятное» и «Клуб кинопутешествий»; значение научной фантастики, в которой технологическая направленность произведений дополнялась социальными высказываниями, следуя доктрине И. Ефремова (1953).

Все это образует общий медийный фронт, под воздействием которого было воспитано несколько поколений советских граждан. В условиях настолько сильной целенаправленной идеологической обработки «технология» перестает быть понятием, которое бы требовало сколько-нибудь четкого определения. Теперь это интуитивно понятная через эстетически отрефлексированные образы иллюстративных материалов научно-популярных журналов и сюжеты кинематографа квазирелигиозная ценность. Именно ценностная составляющая позднесоветского отношения к технологиям делает культурно-языковой фон СССР *технократичным*: любые другие объ-

екты оказываются в подчиненном технологиям положении. В социальных науках, включая науки политические, эта суперпозитивистская установка привела к тому, что в 1990-е гг. эвристический потенциал технократических метафор и концептов принимался не столько за счет успехов наук естественных, сколько за счет веры в технологии *как таковые*.

Неудивительно, что на такой технооптимистической почве выросла целая философская школа — Московский методологический кружок Г. П. Щедровицкого. Поставив перед собой задачу разработки универсальных «технологий мышления» (Щедровицкий, 2018), он объединил многих видных интеллектуалов и общественных деятелей позднего СССР, благополучно пережил перестройку и распад Союза, и до сих пор имеет большое влияние в элитных кругах Российской Федерации. Последователи Щедровицкого, также известные как методологи, во многом обусловили возникновение феномена «молодых технократов» во власти в период президентства Д. А. Медведева и наверняка[1] имели непосредственное отношение к укоренению «политических технологий» в языке российской политологии.

Однако, на мой взгляд, достаточно признания Малкина и Сучкова: «поезд» в какой-то момент действительно «ушел», и российская политология была вынуждена кооптировать это понятие вслед за языком политических менеджеров. Практикоориентированность программ подготовки политических специалистов в России требует изучения живого опыта политконсультантов, которые не только говорят в технократических терминах, но и часто сами являются университетскими преподавателями. Фокус на конкретных результатах политического менеджмента увел на второй план вопросы о наименованиях и их фундаментальном содержании — для задач подготовки практикам от политики подойдет и профессиональный сленг. Но что остается делать теоретикам?

Проблемы составления картографии разногласий

Здесь мы подходим к главной проблеме, пока упомянутой лишь вскользь, — может ли использование технократических метафор дать нам более глубокое понимание политических процессов.

1 Ключевое в данном контексте слово на данный момент. Оправданна ли ставка на установление связи «политических технологий» с методологами и можно ли ее провести, не скатываясь в конспирологию, — отдельный и чрезвычайно интересный вопрос, пока не имеющий однозначного ответа.

Хотим мы того или нет, первое постсоветское поколение исследователей политической реальности в России, ощутившее на себе лишь отголосок советской редакции технооптимизма, вынуждено пользоваться доставшимися ему в наследство технократическими объяснительными моделями, пронизывающими язык российской политики.

Не стоило ли перед тем, как привлекать к описаниям политических явлений термины и смыслы из других областей знания (и жизни), задуматься, какой потенциал скрывает то или иное понятие и есть ли он в нем вообще: не обманываемся ли мы теперь эффектом понятности языка, на котором говорят отечественные политологи? Ревизионистская волна в социологии знания дошла до российских научных журналов слишком поздно, чтобы эти вопросы возникли перед российскими политологами вовремя, до того, как произошла фиксация технократических метафор в качестве считающихся рабочими научных концептов.

Инструменты для подобного исследования уже разработаны. В рамках одной из программ STS — картографии разногласий — ставится задача анализа процесса утверждения научных концептов. Так, итальянский исследователь Т. Вентурини (2018, с. 65) уподобляет этот процесс течению магмы: научный дискурс «разжижается» в момент столкновения основных имеющихся в нем точек зрения и «отвердевает», как только вокруг тех или иных понятий возникает консенсус. В духе акторно-сетевой теории Вентурини не ограничивает процесс производства научных фактов исключительно деятельностью ученых, подчеркивая социальный характер этого производства и участие в нем не-человеческих объектов. В то же время для науки такие консенсусы становятся «черными ящиками», сущностное содержание которых неразличимо для научной оптики и принимается уже как некая теоретическая данность.

Картография разногласий требует от исследователя тщательно выстраивать сети сторонников, которых привлекают все участники полемики, — это не столько способ найти правую сторону в научных спорах, сколько выявить средства, за счет которых достигается победа того или иного концепта. Отсюда следует методологическая рекомендация не брать для анализа слишком большие споры и стараться ограничивать предметное поле не до конца «затвердевшими» решениями. В случае с технократическими метафорами, такими как «политическая технология», «социальная инженерия», «политик-технократ» и др., стоит задаться вопросом, стали ли они плодом предметной научной дискуссии вокруг их содержания или же они закрепились в политическом дискурсе России каким-то иным путем? Имела ли место эта дискуссия вообще? Если ответ отрицательный, под сомнение стоит поставить и само наличие такого кон-

сенсуса, когда у разных авторов в одних и тех же терминах проявляются слишком разные смыслы, а единственным, что удерживает подобные концепты от распада, окажется общий технократический фон метафор, из которых они возникли.

В таком случае для сохранения понятия «политических технологий» в науке потребуется провести концептуализацию заново и выполнить изложенные Лакоффом условия. Сторонникам технократических описаний политики необходимо сделать это понятие *продуктивным*: во-первых, доказать, что объяснение политики через технику вообще уместно в нынешних условиях; во-вторых, оторваться от уровня одних только «политических технологий», создав *систему* смежных понятий, которые были бы способны его поддержать теоретически; наконец, потребуется осознать и артикулировать *ограничения* его объяснительных возможностей. В случае успеха этой работы «политические технологии» получат не-анонимного автора — в лице конкретного исследователя, исследовательского направления или института, представители которого могли бы контролировать его *эволюцию* в экспертной среде.

Заключение

Безусловно, текст настоящей работы задает больше вопросов, чем дает ответов, однако я и не ставил своей целью разрешить все накопившиеся за почти 30 лет методологические сложности вокруг понятия «политических технологий». Более того, ряд заключений, подающихся как самоочевидные, например, касательно технократичности языка российской политической аналитики, требует гораздо более серьезной доказательной базы. Рассмотрение даже сотни примеров высказываний ведущих политических консультантов в СМИ и telegram-каналах не избавило бы автора от обвинений в черри-пикинге — для этого бы потребовался всеобъемлющий анализ сотен источников за многолетний период времени. Эта работа выполнима, современные средства позволяют ее реализовать сравнительно быстро, однако масштаб подобного исследования требует отдельной публикации.

Таким образом, задачи, решаемые внутри данной статьи, оказываются весьма скромными — проблематизировать положение, сложившееся вокруг понятия «политических технологий», попытаться подобрать подходящий язык его описания и только лишь наметить дальнейшие пути работы с ним.

К чему они приведут? Не исключено, что «политические технологии» и другие схожие выражения окажутся не средством объяснения политической реальности, а напротив — способом сделать ее туманнее и недоступнее для обывателя. В таком случае придется

констатировать, что за удачной метафорой скрывается лишь претензия политконсультантов на некую цеховую демиургию, которая поддерживается мировоззренческими установками постсоветских элит.

Более позитивным сценарием стало бы выявление «подлинно политических технологий» как постоянно воспроизводимых практик в сфере политического, приводящих к одним и тем же результатам. Интуитивно к таковым можно было бы отнести использование кандидатов-спойлеров на выборах, срыв слушаний законопроектов филибастерами в парламентах с жестким регламентом и другие подобные примеры, характерные исключительно для политической сферы жизни. Одним словом, все управленческие практики, отличающие политического консультанта от простого менеджера среднего звена.

Наконец, наиболее оптимистичным для отечественной академической мысли итогом было бы подведение реального эпистемологического фундамента под категорию «политических технологий». Однако подобный результат потребует куда более широкой и междисциплинарной дискуссии.

Список источников / References

Абрамов Р. Н. (2013). *Популяризация науки в СССР как элемент культурной политики. Время вперед! Культурная политика в СССР*. ВШЭ. EDN: WXWNHH

— Abramov R. N. (2013) *Popularization of Science in the USSR as an Element of Cultural Policy. Time Forward! Cultural Policy in the USSR*. HSE. (in Russ.)

Баранов А. Н. (2004) Метафорические грани феномена коррупции. *Общественные науки и современность*, (2), с. 70–79. EDN: OWNMZD

— Baranov A. N. (2004) Metaphoric Aspects of Corruption Phenomenon. *Social Sciences and Modernity,* (2), pp. 70–79. (in Russ.)

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. (1994) *Словарь русских политических метафор*. М.: Помовский и партнеры. EDN: RTAORH

— Baranov A. N., Karaulov Y. N. (1994) *Dictionary of Russian Political Metaphors*. Moscow: Pomovsky and Partners. (in Russ.)

Вахштайн В. С.* (2006) Джон Ло: социология между семиотикой и топологией. *Социологическое обозрение*, 5(1), с. 24–29. EDN: JWURND

— Vakhshtayn V. S. (2006) John Law: Sociology Between Semiotics and Topology. *Russian Sociological Review*, 5(1), pp. 24–29. (in Russ.)

Вентурини Т. (2018) Погружаясь в магму: как подходить к исследованию разногласий с помощью акторно-сетевой теории. *Логос*, 5(126), с. 53–84. EDN: MFTMPB. https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-5-53-81

— Venturini T. (2018) Diving in magma: how to explore controversies using actor-network theory. *Logos*, 5(126), pp. 53–84. https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-5-53-81. (in Russ.)

Григорян Г. (2012) *Всесоюзное общество «Знание» как коммуникатор для власти и научного сообщества СССР*. URL: https://novznania.ru/2012/10/05/всесоюзное-общество-«знание»-как-ком/ (дата обращения: 26.02.2025)

— Grigoryan G. (2015) *All-Union Society "Znanie" as a Communicator for the Authorities and the Scientific Community of the USSR*. (in Russ.) URL: https://novznania.ru/2012/10/05/всесоюзное-общество-«знание»-как-ком/

Гринберг Т. Э. (2012) *Политические технологии: ПР и реклама: Учеб. пособие для студентов вузов*. М.: Аспект Пресс. EDN: SCHIEZ

— Grinberg T. E. (2012) *Political technologies*. Moscow: Aspect Press. (in Russ.)

Демидченко В. (2015) Понятие политических технологий: сущность, формы и виды. *Власть*, (12), с. 140–142. EDN: VDHFJJ

— Demidchenko V. (2015) Political technologies: nature, forms and types. *Power*, (12), pp. 140–142. (in Russ.)

Демьянков В. З. (1994) Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода. *Вопросы языкознания*, 4, с. 17–33. EDN: SCKGRB

— Demyankov V. Z. (1994) Cognitive Linguistics as a Type of Interpretative Approach. *Linguistics Issues*, 4, pp. 17–33. (in Russ.)

Ефремов И. А. (1953) О широкой популяризации науки. *Литературная газета*, 23 марта. URL: https://i-efremov.ru/Publicism/LG53-24march.htm (дата обращения: 25.02.2025)

— Efremov I. A. (1953) On the Broad Popularization of Science. *Literaturnaya Gazeta*, March 24. (in Russ.) URL: https://i-efremov.ru/Publicism/LG53-24march.htm

Куракин Д. (2015) *Траектория, форма жизни и единство жизненного пути: к уточнению понятия траектории в поведенческих науках*. URL: https://www.hse.ru/data/2015/04/01/1096719190 (дата обращения: 27.06.2025).

— Kurakin D. (2015) *Trajectory, the Form of Life and the Unity of the Life Path: to Clarify the Concept of Trajectory in the Behavioral Sciences*. URL: https://www.hse.ru/data/2015/04/01/1096719190. (in Russ.)

Лакофф Д., Джонсон М. (2004) *Метафоры, которыми мы живем*. М.: УРСС. EDN: QRAADX

— Lakoff D., Johnson M. (2004) *Metaphors We Live By*. Moscow: URSS. (in Russ.)

Латур Б. (2006) Надежды конструктивизма. В сборнике: Вахштайн В. С.* (ред.). *Социология вещей* (с. 365–389). Издательский дом «Территория будущего». EDN: TMXZDH

— Latour B. (2006) Hopes of Constructivism. In Vakhshtayn V. S. (Ed.). *Sociology of Things* (pp. 365–389). Territoriya budushchego. EDN: TMXZDH. (in Russ.)

Непогодин А. (2020) *«Запад списал Лукашенко». После выборов Белоруссию ждут большие потрясения. Кто на самом деле готовит в стране переворот?* URL: https://lenta.ru/articles/2020/08/07/zhannadark/ (дата обращения: 27.02.2025)

— Nepogodin A. (2020) *"The West Has Written Off Lukashenko" Belarus Faces Major Upheavals After the Elections. Who Is Really Preparing a Coup in the Country?* URL: https://lenta.ru/articles/2020/08/07/zhannadark/

Ло Дж. (2015) *После метода: беспорядок и социальная наука.* М.: Изд-во Института Гайдара. EDN: TNACHX

— Law J. (2015) *After Method: Mess and Social Science*. Moscow: Gaidar Institute Publishing. (in Russ.)

МакКормак Э. (1990) Когнитивная теория метафоры. В сборнике: Арутюнова Н. Д., Журинская М. А. *Теория метафоры* (с. 358–386). М.: Прогресс. EDN: RATNEV

— McCormack E. (1990) Cognitive Theory of Metaphor. In Arutyunova N. D., Zhourinskaya M.A (Eds). *Theory of Metaphor* (pp. 358–386). Moscow: Progress. (in Russ.)

Малкин Е., Сучков Е. (2006) *Политические технологии*. М.: Русская панорама. EDN: QOFVRL

— Malkin E., Suhkov E. (2006) *Political technologies*. Moscow: Russkaya Panorama. (in Russ.)

Ортега-и-Гассет Х. (1991) *Эстетика. Философия культуры*. М.: Искусство.

— Ortega y Gasset J. (1991) *Aesthetics. Philosophy of Culture*. Moscow: Iskusstvo. (in Russ.)

Столярова О. Е. (2008) Реляционная онтология А. Н. Уайтхеда и ее конструктивистская интерпретация. *Вопросы философии*, (12), с. 84–103. EDN: JUGPXB

— Stolyarova O. E. (2008) A. N. Whitehead's Relational Ontology and its Constructivist Interpretation. *Philosophy Issues*, (12), pp. 84–103. (in Russ.)

Рикер П. (1990) Когнитивная теория метафоры. В сборнике: Арутюнова Н. Д., Журинская М. А. *Теория метафоры* (с. 358–386). М.: Прогресс. EDN: RATNEV

— Ricœur P. (1990) Living metaphor. In Arutyunova N. D., Zhourinskaya M.A (Eds). *Theory of Metaphor* (pp. 435–455). Moscow: Progress. (in Russ.)

Харман Г. (2017) Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда. *Логос*, 27(3), с. 1–34. EDN: YMICDZ. doi.org/10.22394/0869-5377-2017-3-1-32

— Harman G. (2017) Networks and Assemblages: Networks and assemblages: the rebirth of things in Latour and DeLanda. *Logos*, 27(3), pp. 1–34. doi.org/10.22394/0869-5377-2017-3-1-32. (in Russ.)

Щедровицкий П. (2018) Программа работ для серии игр «Технологии мышления». *Материалы к программе разработки «Технологий мышления».* CORVUS, с. 8–14. URL: https://shchedrovitskiy.com/programma-rabot-dlya-serii-igr-technologii-myishleniya/ (дата обращения: 17.06.2025)

— Shchedrovitsky P. (2018) Work Program for the Series of Games "Thinking Technologies". *Materials for the Development Program of "Thinking Technologies"*. CORVUS, pp. 8–14. (in Russ.) URL: https://shchedrovitskiy.com/programma-rabot-dlya-serii-igr-technologii-myishleniya/

Bloor D. (1976) *Knowledge and Social Imagery*. Chicago University Press.

DeLanda M. (2006) *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. Continuum. https://doi.org/10.5040/9781350096769

Harman G. (2018) *Object-oriented ontology: a new theory of everything*. Pelican Books.

Jaynes J. (1976) *The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind*. Houghton Mifflin.

Lakoff G. (1993) *The Contemporary Theory of Metaphor. Metaphor and Thought*. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9781139173865.013

Lakoff G. (1990) The Invariance Hypothesis: is abstract reason based on image-schemas? *Cognitive Linguistics*, 1(1), pp. 39–74. https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.1.39

Lakoff G. (1996) Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think. University of Chicago Press. http://dx.doi.org/10.7208/chicago/9780226471006.001.0001

Latour B. (2004) Why Has Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern. *Critical Inquiry*, 30(2), pp. 225–248. https://doi.org/10.1086/421123

Maier C. S. (1970) Between Taylorism and Technocracy: European Ideologies and the Vision of Industrial Productivity in the 1920s. *Journal of Contemporary History*, 5(2), pp. 27–61. https://doi.org/10.1177/002200947000500202

McMullin E. (1984) The Rational and the Social in the History of Science. In: *Scientific Rationality: The Sociological Turn* (pp. 127–163). The University of Western Ontario Series in Philosophy of Science. https://doi.org/10.1007/978-94-015-7688-8_6

Smyth W. H. (1921) *Technocracy: First, Second and Third Series; Social Universals*. W. H. Smyth.

Stabile D. R. (1987) Veblen and the Political Economy of Technocracy: The Herald of Technological Revolution Developed an Ideology of “Scientific” Collectivism. *The American Journal of Economics and Sociology*, 46(1), 35–48. https://doi.org/10.1111/j.1536-7150.1987.tb01756.x

* Признан Минюстом РФ иноагентом.

Об авторе / About the author

Мозжухин Максим Павлович — магистр политических наук, аналитик исследовательской компании Russian Field. Москва. Научные интересы: социология науки, политическая социология, STS.

https://orcid.org/0009-0007-7613-6675. E-mail: lodgo@yandex.ru

Maksim P. Mozzhukhin — MA in Political Science, analyst at the research company Russian Field. Moscow. Research interests: sociology of science, political sociology, STS.

https://orcid.org/0009-0007-7613-6675. E-mail: lodgo@yandex.ru